

Была суббота, когда тонкие облака купались в багровом цвете.

Я терпеливо ждал прихода этого человека в «safe tutuji», где меня тепло окутывал закат.

Затем, ровно за десять минут до назначенного времени, из-за угла показался длинный белый, невзрачный седан.

— ... А вот и он.

Пробормотал я, глубоко вздохнул и залпом выпил чай из чашки.

..... Наконец-то настало время решающего столкновения.

Автомобиль припарковался на парковочном месте на гравии, отведённом «safe tutuji» и разделённом верёвкой, дверь водителя тихо открылась и человек вышел из машины.

Стыдно говорить это, до этого момента я был уверен в себе, но как только я увидел его фигуру, я был мгновенно поражён его аурой.

Причина в том, что он слишком походил на стандартного офисного работника.

Волосы, покрытые лаком для волос, и поделённые в пропорции семь к трём, прямая рубашка без складок, синий галстук и пронизательные, как у ястреба глаза, выглядывающие из-за острых очков.

Он, Сато Кадзухару, ступил по гравийной дороге в своих полированных чёрных деловых туфлях с бумажным пакетом в руке, подошёл ко мне и сказал:

— Как я и обещал, я приехал в «safe tutuji» ровно в 7 часов. А теперь давай быстро со всем разберёмся.

Он подошёл к сиденью на террасе, посмотрел на меня и сказал очень холодно. Чувство принуждения, которое он источал, было куда страшнее, чем по телефону...

Одно это заставило меня почувствовать, что моё дыхание остановится, но я не сдался и указал на одно из сидений на террасе, после чего сказал:

— Присаживайтесь вот сюда, я пока заварю чай.

— Перед этим у меня к тебе вопрос. Какое отношение ты имеешь к этому магазину?

— Я его работник, но прямо сейчас я не на работе.

— Тогда...

Сказав это, Кадзухару перевёл взгляд на сиденья на террасе на противоположной стороне.

Несколько мужчин и женщин болтали за столом с прикреплённым зонтом.

— ... Похоже, есть и другие клиенты.

— Да, вас это не устраивает?

— Нет.

Он сел на стул и скрестил ноги.

— Я всё равно не собираюсь обсуждать с тобой что-то постыдное. Я просто расскажу тебе очевидное и мы покончим с этим.

— Я заварю чай.

Оставив эти слова, я удалился в дальний конец магазина.

..... Крепись, Осио Сота.

— Это ты его заварил?

Сглотнув немного чёрного чая, Кадзухару задал мне вот такой вопрос.

Я растерялся от его резкости, но спокойно ответил:

— Эрл Грей, я всегда его пью. Са..... то есть, я и Кохару предлагал попробовать его.

— Понятно.

Кадзухару сказал это и сделал ещё один глоток чая.

Он просто пил чашку с чаем, но всё равно сохранял свою устрашающую «манеру».

— Во-первых, давай проясним цель этого разговора: Осиро Сота, что именно ты от меня хочешь?

— Я хочу, чтобы вы вернули телефон Кохару, а потом я хочу, чтобы вы вернули свои слова про бесполезность минсты, к чему Кохару так серьёзно относилась. И я хотел бы, чтобы вы не ограничивали её жизнь так сильно.

— Ограничивал, значит?

Кадзухару неодобрительно фыркнул.

— Ясно, я понимаю твою цель. Короче говоря, ты лишь хочешь, чтобы я вернул его Кохару.

Сказав это, он достал телефон из нагрудного кармана и положил его на стол.

Чехол был прост, как тот, что можно найти в магазине за 100 иен и без всяких украшений.

Без сомнения, это телефон Сато.

— А ещё ты хочешь, чтобы я забрал назад свою критику, правильно?

— Правильно.

Его пронзительный взгляд встретился с моим.

Нам навстречу подул тёплый ветерок, солнце скоро сядет.

— Во-первых, ты связал моё воспитание с «ограничением» её, но я воспринимаю это не так.

Кадзухару сказал это прямо.

— Стыдно такое говорить, но моя дочка, Сато Кохару, не умеет общаться с другими людьми. Она не очень хорошо умеет выражать свои эмоции и не очень хорошо умеет воспринимать

слова других людей. С другой стороны, она чувствительна к тонкостям эмоций окружающих и склонна к пассивности, понимаешь?

— Это...

..... Я это знаю. Трудно признать, что я это понимаю, даже в присутствии её родителя.

— Ну, в любом случае, это моё мнение о ней с объективной точки зрения, да.

— Вы хотите сказать, что не ограничиваете, а защищаете её?

— Именно так.

— Да это же...!

Как только кровь начала приливать к моей голове, я с трудом смог удержать себя руках.

Кадзухару по-прежнему смотрел на меня своими холодными глазами.

Несмотря на то, что я знаю его совсем недолго, я уже интуитивно понимал, что, если моя речь будет слишком эмоциональной, он тут же покинет это место.

— Ну и что ты скажешь, Осиро Сота?

Я ослеплен ярким светом заходящего солнца. И хотя сейчас уже не так жарко, как было днём, я не могу перестать потеть.

..... Я должен крепиться.

— На мой взгляд, забирать телефон у своей дочери в её-то подростковом возрасте, а затем критиковать за то, что она делает... я бы не стал рассматривать такой подход как «защиту» в благоприятном свете. Нисколько.

— Только глупые люди будут спорить с выбором слов. Меня не волнует, назовёшь ли ты это «контролем» или «ограничением» или ещё как. Сейчас я обсуждаю суть этого вопроса.

— Неважно, как вы это называете, ваш подход неверен.

— Хочешь поговорить о моём воспитании? Ладно, ну давай, скажи мне, в чём я ошибаюсь.

— Ну...

Я не мог подобрать слов. Только тогда я понял, что совершил ошибку, перескочив на деликатную тему с воспитанием, предварительно не подготовившись к ней.

— Ваш подход ненормален, ни один нормальный родитель не стал бы так поступать.

Вот почему мой ответ был таким скучным.

Получив этот ответ, презрительно Кадзухару посмотрел на меня с нескрываемым разочарованием.

— Если бы в мире были только нормальные люди, не было бы необходимости в педагогической теории, скорее, педагогическая теория была бы необходима тем, кого нельзя назвать обычными детьми. Ты понимаешь, Осио Сота?

Его голос был низким и тихим, но полным явного гнева.

— В наши дни слишком много «недовзрослых», которые жалуются на свободу, неограниченность и заботу о детях до эгоизма. И что же говорят такие взрослые, что, надо уважать их независимость? Отнюдь, они просто отправляют на выгул свой скот.

— Э? Что это значит?

— Я говорю про недовзрослых. Это дети, которые притворяются взрослыми, отказываются от родительских своих обязанностей, не воспитывают и не защищают своих детей. А когда дела выходят из-под контроля, они просто симулируют невежество. Что может быть ещё более разочаровывающим, чем это?

— Так вы говорите, что исполняете свою родительскую ответственность?

— Я говорил про это с самого начала.

Кадзухару посмотрел на меня своими глазами, похожими как у ястреба.

Глядя в его глаза, я мог видеть, что воля в его глазах непоколебима, как гора.

— Я родитель Кохару и взрослый человек. Я буду сильно мешать тому, что делает Кохару, с другой стороны, независимо от результата, я возьму на себя полную ответственность. Именно с этой решимостью я следую этой воспитательной политике, а как насчет тебя?

— В смысле «как насчёт тебя»...?

Я заколебался, полностью потрясённый аурой Кадзухару.

— Ладно, давай возьмём простой пример: что, если Кохару подсядет на минстаграм, её оценки ухудшатся и она не поступит в выбранный ею университет, что ты будешь делать тогда?

—

— А что, если, например, фотографии, которые она загрузила в интернет, заставят её стать объектом зависти и ревности и это изолирует её от остального класса?

— Вы можете придумать таких гипотез сколько угодно...! К тому же, такое не обязательно должно случиться. Если вы предполагаете только в плохом направлении, то у вас есть все шансы, что так и будет!

— Будь добр, не сходи с темы. Раз ты критикуешь мой воспитательный процесс, позволь и мне спросить тебя, как ты собираешься брать на себя ответственность, если дела пойдут плохо?

— Я...

«Я возьму на себя ответственность», — я не мог сказать такое столь легкомысленно. Я слишком хорошо знаю вес этих слов и бессилие старшеклассников.

Когда я неохотно опустил голову, Кадзухару со вздохом сказал:

— Общество — вещь неразумная. Оно неизбежно вредит тебе, просто живя. Ты ведь уже должен знать об этом, не так ли?

Вспоминая ситуацию последних нескольких дней, я замолчал.

— Я слышал о таком аргументе, что боль способствует нашему росту, но есть люди, которые перестают расти от боли, например Кохару. Разве я поступаю неправильно, желая защитить такую дочь?

—

Я ничего не мог ответить.

Потому что в глубине души я также знал, что Кадзухару был прав.

... Это правда, что Сато не очень хороша в общении и её менталитет тоже не очень силен.

Зная это, слишком неразумно просто сидеть и смотреть на то, как она страдает от разочарования и сожаления о собственной неудаче, это как раз-таки и может быть тем безответственным поведением, про которое он рассказывал.

В таком случае, разве не будет разумным, если «взрослые с совестью» будут защищать её и ждать, пока она потихонечку вырастет? Это же разумное воспитание, так ведь?

— Кажется, нам больше не о чем говорить.

Кадзухару залпом допил оставшийся чай.

— Спасибо за гостеприимство. Но этот разговор и правда был бессмысленным.

Он вытащил из бумажника купюру в тысячу иен и положил её на стол.

Затем он плавным движением попытался взять со стола телефон Сато.

..... Чем больше я смотрел на него, тем больше не мог поверить, что этот простой телефон принадлежал старшекласснице.

Но когда я смотрю на него, он вызывает яркие воспоминания.

Я могу вспомнить счастливые, сердитые и рыдающие лица Сато, которая до сих пор так много старалась.

— Мышцы.

Рука Кадзухару, которая была протянута, чтобы взять телефон, мгновенно остановилась.

— Что?

— Мышцы растут только тогда, когда они причиняют друг другу боль.

В ответ на это Кадзухару испустил глубокий вздох уныния.

— Разве ты не слышал, что я сказал? Есть и такие люди, которые перестают расти после боли...

— Но мышцы плачут и когда они лишены возможности пораниться.

Мой и Кадзухару взгляды пересеклись.

Я понимаю его убеждения и насколько сильна его решимость, но... тем не менее, он всё же ошибается.

Потому что...

— Этого желает не я и не вы, а сама Кохару, и нас это не должно касаться. Даже если метод роста, который она избрала, нелогичен с объективной точки зрения, это всё равно тот путь, который избрала она.

— Тогда у меня вот такой вопрос: что если она сломается из-за э...

— Она не сломается...

Я твёрдо заявил об этом.

... Сато действительно не умеет общаться с людьми, и её менталитет может быть не очень сильным.

Но в тот раз она определённо загрузила фото в Minsta.

Она впервые загрузила фото своего ролл-мороженого в Minsta.

Уверен, перед тем как загрузить это фото, должно быть её одолевало беспокойство и тревога, которые невозможно описать словами.

... Но несмотря на это, она всё же набралась смелости, чтобы в одиночку окунуть его в бескрайнее море интернета. Как такая банальная небольшая неудача могла сломить её?

— Хотя ваша воспитательная политика сформулирована правильно, вы просто чрезмерно опекаете её. Она всегда была сильным человеком, намного сильнее чем вы думаете.

— Вот как?

Кадзухару убрал протянутую руку.

Затем я заметил, что презрение и неуважение исчезли с его глаз.

— Похоже, ты говоришь не пустые слова. Но если мы и дальше продолжим говорить в таком духе, это просто выльется в бесконечный спор, так что давай сменим тему.

Сказав это, он указал на телефон Сато.

— В настоящее время Кохару одержима Минстаграмом..... Но скажи мне, что это на самом деле означает?

— Что это означает...?

— Я просто не могу этого понять. Я не понимаю. Стоит ли риск, о котором мы с тобой только что говорили? Для меня это просто пустая трата времени, ничего больше.

Глаза Кадзухару, смотрящие на меня, снова стали острыми.

— Судя по тому, что я слышал, среди учащихся средней и старшей школ сейчас популярно показывать свои фотографии в этом приложении, но какая ценность в этом? А ещё я не понимаю, зачем они всё фотографируют, будь то еда или что-то ещё. Некоторые говорят, что это нужно для сохранения воспоминаний, но у таких старомодных людей, как я, на этот счёт другое мнение...

Он приподнял очки, опиравшиеся на переносицу, средним пальцем и сказал холодным тоном:

— Я не вижу необходимости записывать что-то, что ты и так забудешь.

— Как бы...

Я крепко сжал губы.

Дело не в том, что у меня нет слов против его аргумента. На самом деле я знал, что он обязательно поднимет такой вопрос, поэтому я даже заранее подготовил ответ, чтобы теоретически обосновать его.

Причина, по которой я воздержался и замолчал, заключалась в том, что я почувствовал, что всё пойдёт насмарку, если я отвечу на него заранее подготовленными словами.

Я проглотил все непутёвые ответы, подготовленные заранее, медленно встал, а затем сказал...

— ... А это так странно?

Прямо сейчас все сцены с тех пор, как я встретил Сато, мелькают у меня в голове.

Например, как мы пили молочный чай с тапиокой, как мы ели ролл-мороженое, и как мы оба делали снимок.

— Конечно же, то, что вы сказали, небезосновательно, возможно, нет смысла записывать то, что и так исчезнет.

Садящееся солнце за моей спиной вот-вот скроется за горизонтом.

По моей щеке потекла одна-единственная слеза.

Я точно знаю, что означает эта слеза. Это была слёза печали о днях моей безответной любви, которая никогда не вернётся.

Да, было душераздирающе грустно, но я всё равно ни о чём не жалею.

Потому что...

— Как бы сильно вы ни веселились, как бы сильно вы ни хотели вспомнить, большинство вещей рано или поздно забудется. Ничто в этом мире не вечно, но даже так...

Потому что я всё ещё помню.

Я помню азарт, нерешительность, борьбу и необъяснимое счастье того момента, когда я был влюблён в неё.

А потом оно дошло до наших глаз.

— Это...

Это был не только Кадзухару.

Мой отец и девчонки, которые сидели по другую сторону открытой террасы, даже забыли, как дышать, поскольку их глаза были прикованы к развернувшемуся зрелищу.

Мир окутал тёплый золотистый цвет.

«Safe tutuji» и цветочный сад, украшенный сезонными цветами, окутал ослепительный золотой цвет, и они сияли.

Всё, что я видел, было окрашено фантастическим светом, словно по волшебству.

Это то, что я хотел показать Сато и её отцу. Мы с отцом долгое время являемся исключительными владельцами этого сокровища.

Краткий волшебный миг, который можно лицезреть только сразу после восхода солнца и незадолго до заката.

Только в эти два раза в день я могу сделать такие загадочные и драматические фотографии, чудо, составленное на мгновение из мягкого света.

Я спросил Кадзухару при тусклом свете:

— ... Неужели это так странно — хотеть похвастаться, хотеть вспомнить, хотя бы на мгновение поделиться этим волнением с кем-то важным?

Волшебный час.

Мир сменялся яркими оттенками, тогда как цветник снова и снова менял свой облик.

Всё находившееся перед глазами перекрашивалось, пейзаж менялся каждую секунду. Сама эта мимолетная картина с бесконечными изменениями была моим ответом.

— ... Понятно. Так вот что видела Кохару?

Кадзухару тихо выдохнул.

Когда я заметил, его лицо снова стало обычным кислым.

Но даже так...

Мы с папой считали, что наше сокровище могло тронуть его сердце, даже если совсем немного...

Однако...

— Достаточно.

После того как он сказал так холодно, он приподнял перемычку очков средним пальцем.

Глаза за линзами очков стали острыми и влажными, как меч.

... Не получилось.

Даже гости, очарованные волшебством «волшебного часа», как и Кадзухару, вероятно, заметили это. Они тут же взяли свои телефоны, чтобы приступить к выполнению следующей стратегии.

Но Кадзухару первым остановил их:

— Я сказал же, что достаточно... этих людей ты тоже попросил о помощи, да?

Кадзухару бросил свой острый взгляд на группу из четырёх гостей мужского и женского пола. Они сидели за столом под зонтиком недалеко отсюда.

— Хи-и-и!

Сидзуку издала короткий визг, увидев его устрашающий взгляд.

Рэн обхватил свою голову руками из-за грубого промаха своей старшей сестры, Маё легонько вздохнула, там же была и Ринка, которая была повернута спиной в эту сторону.

У каждого из них в руках было по телефону и все готовились к следующей стратегии: «Отправить сообщение на телефон Сато по MINE, используя вкус подруги и обратиться к её эмоциям», — но битва ещё не успела начаться, а Кадзухару уже раскусил их.

— Не знаю, что вы там удумали, но это поверхностное мышление.

— Кух...

Я невольно вскрикнул от разочарования.

Кадзухару забрал телефон, лежащий на столе, а затем поднял бумажный пакет, расположенный рядом со стулом.

Он уходит.

Я отчаянно ломал голову, думая, как бы мне удержать его, но не мог вымолвить ни слова.

Если отец и моё сокровище не справились со своей задачей, то я могу только чувствовать отчаяние от того, что любые слова, которые я скажу, будут бессмысленны перед ним.

И когда мой разум был охвачен пылающим чувством разочарования, Кадзухару посмотрел на меня...

— ... Они друзья Кохару, верно?

Я на мгновение удивился и не мог подобрать ответ.

Однако я всё переосмыслил и сразу же решительно ответил:

— Да, так и есть!

— Значит, включая тебя, пять человек... м-м-м... намного больше, чем у меня.

— Э...?

Кадзухару... засмеялся?

Когда я усомнился в том, что происходит передо мной, Кадзухару снова обратился ко мне:

— Начнём с того, что ты кое-что не так понял.

— Не так понял.....?

— Осио Сота, как ты думаешь, почему я забрал телефон Кохару под своё хранение?

— Почему...? Потому что вам не понравилось, как Кохару сидит в телефоне, поэтому вы конфисковали его...

— Неправильно.

Кадзухару покачал головой.

..... Э, чего? Неужели по другой причине...?

— Какие бы родители поступили так в наше-то время? Причина вот в этом.

С этими словами Кадзухару достал что-то из бумажного пакета и разложил на столе.

Это было несколько брошюр известной крупной коммуникационной компании и какая-то

небольшая коробочка. Это...

— Роутер Wi-Fi...?

Когда я вопросительно нахмурился, Кадзухару ещё раз глубоко вздохнул, а затем произнёс шокирующую фразу:

— Это ограничитель интернета. Иметь невежественную дочь действительно неприятно.

— А?

Время остановилось.

2 секунды, 3 секунды..... не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов тишина была нарушена.

— «««««Что!?»»»»».

Я и ещё четыре человека закричали в унисон.

В ответ на эту реакцию Кадзухару заговорил таким тоном, как будто ему было стыдно за глупую ошибку своей дочери.

— Наш тарифный план подписан на передачу данных с семейным пакетом услуг. Но из-за одержимости Кохару тем, чему вы её научили, она одна потратила все интернет-данные, почти до предела.

— О-одна...?

— Я не знаю точно, как она это сделала, но похоже, что она неоднократно просматривала фотографии одного и того же аккаунта снова и снова... Из-за этого мне пришлось пережить много неприятностей: я не мог связаться с женой или ответить на мои электронные письма с работы из-за этого досадного лимита. Новостное приложение, которое я жду с нетерпением каждое утро, теперь тормозит посреди просмотра, и мой график полностью нарушен.

— А? Н-н-но Кадзухару, вы же смогли позвонить мне...

— Даже если на передаче данных стоит лимит скорости, позвонить всё равно можно. Ты же старшеклассник, тебе ли не знать о таком.

— Но тогда..... что насчёт того сообщения о помощи, которое Кохару послала мне?!

— Эта глупышка... запаниковала, подумав, что её телефон сломался, как только на её интернет поставили лимит. Должно быть, она отправила его как раз в вот момент.

По-погодите!!!

В таком случае, получается, что...!

— Значит, ваши слова про то, что вы не конфискуете телефон, а на время берёте под своё хранение, это из-за...?

— Я планировал подержать при себе телефон Кохару лишь до тех пор, пока лимит данных не будет снят, и чтобы она больше не доставляла проблем, если зайдёт в странные места..... в любом случае, этим телефоном сейчас всё равно нормально не попользуешься, так что ей незачем сидеть в нём.

— А как же запрет выходить на улицу?!

— Мне пришлось отвести Кохару в магазин, чтобы изменить контракт на тарифный план. Было бы неудобно, если бы я этого не сделал.

— Тогда к чему всё это было...

Я почувствовал, как мои колени подкосились, и я рухнул на месте...

Даже остальная четвёрка, что собралась здесь, были ошеломлены, узнав всю картину этого глупого, запутанного происшествия.

... Всё-таки нет такого отца, который стал бы ограничивать свою дочь.

Тем, кого я видел перед собой был просто ещё один отец, который, как и Сато, был неуклюжим, малообщительным и с трудом выражал свои чувства.

Когда меня охватило чувство истощения, обрушившееся на всё моё тело, Кадзухару внезапно сказал:

— Ладно, если у тебя ещё остались какие-то вопросы, задай ей их лично.

— А?

В этот момент как будто истекло время, задняя пассажирская дверь припаркованного на стоянке автомобиля открылась сама собой.

Вначале мне это показалось странным, но вскоре причина стала очевидной.

Наконец-то на сцену вышла та, кто раньше сознательно пряталась на заднем сиденье.

—

Она выглядела как маленький ребёнок, который предчувствовал, что её собираются отругать, со смущённым и извиняющимся выражением лица. Слезы наворачивались на её больших глазах, а её плечи плотно сжались, отчего её стройное тело стало ещё меньше, чем было, но она уже морально подготовилась.

Сато Кохару.

Она аккуратно склонила голову на 90 градусов, привлекая внимание всех присутствующих, а затем она...

— Простите меня!

Попросила прощения дрожащим голосом.

— Я была так глупа, что..... ничего не понимала, и доставила проблемы, Осио и всем остальным..... даже это важное обещание, которое мы дали насчёт тёртого льда...!

Подняв сморщенное лицо, которое всё ещё выглядело так, как будто она могла расплакаться в любой момент, она продолжала это говорить.

Затем она снова поклонилась на 90 градусов.

— Мне правда, правда жаль за всё!

Сато просила прощения, повысив голос до такой громкости, что, казалось, его можно было услышать даже на другой стороне горизонта.

Столкнувшись с таким развитием событий, мы все потеряли дар речи.

Посреди этих извинений Кадзухару своим обычным неорганическим тоном, не проявляя никаких эмоций, продолжил свою речь:

— Что ж, я уверен, вам есть что сказать насчёт этого. Впрочем, так всё сложилось из-за того, что я не дал внятного объяснения, так что тут есть и моя вина. Я хотел бы извиниться за это...

С этими словами он достал лист бумаги из стопки брошюр.

На дешёвой рекламной брошюре простым буквами были написаны вот такие слова: Гранд фестиваль фейерверков Сакураба 2020.

Короче говоря, это была информационная брошюра о фейерверке.

— Видимо, там будут устраивать фейерверки, а раз это фестиваль, то там наверняка будет пара придорожных киосков, в которых можно что-нибудь поесть, например тёртый лёд...

— Ка-Кадзухару...?

— Ну да ладно, кажется, Кохару сильно раздумывает над этим и уже закончила сегодняшние поручения. Я разрешаю прогуляться, если это ненадолго. Вам стоит поговорить по душам за фейерверком, правда? Осиро Сота?

— Н-неужели... в-вы всё знали...?

— Не понимаю о чём ты.

Сказал Кадзухару, изображая невежество.

..... Да быть не может.

Я был настолько глуп, что подумал, что я ничем не отличаюсь от той же Сато. Всё происходящее было у него как на ладони.

Я не могу поверить, что в этом мире есть настолько ужасный и хитрый отец, и в то же время отец, который так сильно балует свою дочку...

— Ваша защита слишком огромна...

— Так было до сегодняшнего дня.

... И вот так, столкновение между мной и Кадзухару закончилось моим абсолютным поражением.

Всё прошло именно так, как он и планировал.

<http://tl.rulate.ru/book/55265/1657933>